

ТЪМА ДОЛЖНА
ТАНЦЕВАТЬ

АНТОН ГУСЕВ

АНТОН ГУСЕВ

**Тьма должна танцевать.
История серийного
убийцы и его исправления**

«Издательские решения»

Гусев А.

Тьма должна танцевать. История серийного убийцы и его исправления / А. Гусев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745400-5

Книга основана на реальной истории серийного убийцы... Но кто он?! Милая и хрупкая девушка 20 лет, ставшая жертвой врачебной ошибки и общественного насилия. Сможет ли она исправиться, полюбив впервые в жизни по-настоящему, чисто и открыто? Сможет ли любящий ее человек одним своим чувством изменить ее судьбу?.. Об этом, а также о том, что даже в кромешной тьме можно найти отблески света, почаще заглядывая внутрь себя, новая повесть известного российского адвоката.

ISBN 978-5-44-745400-5

© Гусев А.
© Издательские решения

Тьма должна танцевать История серийного убийцы и его исправления

Антон Гусев

Возьми меня за руку и проведи через эту ночь.

Чтобы я не чувствовал, что я один

Рэй Дуглас Брэдбери

Дизайнер обложки Антон Гусев

© Антон Гусев, 2017

© Антон Гусев, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-5400-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Вы спрашиваете, часто ли я вспоминаю эти картины? Нет. Наверное, потому, что и вспомнить-то толком ничего не могу. Сознание почти все время находилось в тумане, в каком-то полусонном анабиозе... Но хорошо помню последнюю ночь... Помню свои связанные за спиной руки. Да, я кажется, была к чему-то прикована, прикручена этими толстыми веревками, что опутывали все мое тело. Трудно было даже определить, где кончается веревка и начинается плоть... И потому еще труднее сказать, как именно мне удалось вырваться.

Помню канистры с бензином. Они стояли в подвале, я это почему-то хорошо запомнила. По всей видимости со времен своего «приезда» в этот дом боли. Первые несколько дней меня держали в подвале и почти ничего не давали есть. Пока я наконец совсем не обессилела и не стала терять сознание. А потом как-то я его потеряла в очередной раз и все. И больше уже оно ко мне не возвращалось. И вот вернулось только в ту ночь. В последнюю ночь.

...Схватив одну из емкостей, я попыталась втащить ее наверх, вынести из подвала. Но сил совсем не было, и тогда я стала заливать все вокруг. Все, что видела. Заливать с такой звериной ненавистью, будто для меня в этом подвале был настоящий корень зла, центр апокалипсиса...

А потом не было спичек. Я долго их искала и не могла найти и уже почти отчаялась. Как вдруг я увидела розетку. Не опасаясь за свою жизнь, я вырвала ее с корнем и стала опускать оголенные провода в лужи бензина. А они были здесь повсюду...

Я не помню, как и когда все загорелось. Помню только, что бежать пришлось очень быстро, со всех ног. Все кругом трещало и падало, но ни единого звука человеческого голоса слышно не было. И помню только взгляд. Этот пронзительный взгляд темно-карих, почти черных глаз. Он словно преследовал меня всю дорогу до шоссе. Хотя я никуда не бежала, я спокойно шла. И чувствовала при этом, что он, носитель этого тяжелого – пожалуй, самого тяжелого на свете – взгляда так же неспешно, в унисон двигался за мной. Но и это не заставило меня прибавить шаг, ведь я уже не боялась. Внутри меня было что-то, что начисто лишило меня способности бояться. Оно разливалось по всему телу и наполняло его какой-то неведомой доселе жаждой. Вот только чего именно я жаждала – я тогда не знала...

– Очень романтично. Все, Калитина, не видать нам с тобой в этом месяце походов в кино как своих ушей, – с чувством облегчения в голосе произнес Денис Савченко, отходя от вывешенного в углу ординаторской графика дежурств. Его собеседница – крупная полнотелая дородная дама лет 30-ти с утомленным лицом заполняла какие-то формуляры, сидя неподалеку за столом и даже не поднимала глаз на своего визави. Единственной ее реакцией на его восклицание был стандартно-уместный, на ее взгляд, вопрос:

– А чего?

– А того, что наш любимый Виктор Кузьмич, памятуя мои прошлые подвиги, навесил мне по три дежурства в неделю...

– Бред! А что, больше дежурить некому?

– У него спроси. А еще спроси, доколе у нас с тобой будет продолжаться секс в каморке в редкие свободные минуты ночных бодрствований и когда же на смену им придут походы в кино и прочие атрибуты конфетно-букетного периода?

Дверь из коридора открылась и на пороге появилось лицо Максима – как всегда, улыбающееся.

– Что за шум, а драки нет?

– О, Макс, ты как всегда вовремя. Нам как раз сейчас не хватает твоего вечного оптимизма. Ведь только ты умеешь, отстучав стахановскую норму, еще и подпрыгивать от радости на утро...

– Что за потребность в оптимизме? Любовная лодка, по традиции утра понедельника, разбилась о быт?

– Хуже, – подала голос белотелая. – О нрав и упорство Виктора Кузьмича.

– С начальством спорить нельзя...

– Да знаем, знаем... Пospоришь с ним, как же...

– Как дежурство?

– Сносно. Два огнестрела, трое с проломленными черепками...

– Логично. День ВДВ все-таки.

– Я тоже так думаю и посему не ропщу.

Максим зашел в ординаторскую, чтобы переодеться и отправиться домой после ночного дежурства. Но по всей видимости звезды в этот день сложились не в той пропорции не только для Калитиной и Савченко, но и для самого Максима, поскольку не успел он скинуть больничный халат, как влетевшая старшая медсестра категоричным тоном потребовала его к заведующему отделением.

Максим работал здесь вторую неделю и был только распределен сюда после окончания медицинской академии, а потому проходил на данном этапе своей карьеры все прелести жизни «салаги» в дружном коллективе медработников. Здесь были и панибратское отношение со стороны младшего персонала, и вечные исполнения глупых и трудоемких поручений руководства, и дежурства в количестве, значительно превышающем разумные пределы... Но Заморин был молод, активен, и все эти «плюсы», которые спустя несколько лет покажутся ему не более, чем крестами на кладбище, пока еще воспринимались им с неподдельным энтузиазмом.

– Максим Сергеевич, – с порога начал заведующий его родным отделением эндокринологии Олег Алексеевич Бородько, – вот познакомьтесь. Это наши старые знакомые и одновременно пациенты с длительной, к сожалению, нетрудовой биографией, – юмор этого человека имел специфические особенности даже по сравнению с незаурядным юмором всех медработников.

– Заморин, – Максим учтиво протянул руку восседавшему на диване в комнате отдыха кабинета заведующего отделением статному мужчине лет пятидесяти. Тот сухо пожал ее, кивнул головой и ничего в ответ не сказал.

«Колхоз», – подумал Максим, присаживаясь в стоящее рядом кресло.

– Это Николай Иванович Игнашин, мэр нашего города. А это, – Бородько указал на сидящую рядом на диване девушку лет 20—25, – его дочь, Настенька...

Максим внимательно взгляделся в лицо девушки – настолько внимательно, насколько позволяло его рассредоточенное после тяжелого ночного дежурства внимание. Несмотря на всю его миловидность и даже красоту оно показалось ему несколько отрешенным, каким-то пустым и бессмысленным – девушка смотрела в одну точку на полу и не поднимала глаз. Черты ее лица были какими-то удручающе – опустошенными, в ней явно чего-то не хватало. Чего-то, что свойственно обычным людям – какой-то живости, яркости, насыщенности. Вернее, это было конечно обычное человеческое лицо, но в отсутствие тех его черт, которые отличали бы его от красивого, но неживого портрета.

– Видите ли, Максим Сергеич. Четыре года назад у девушки Ваш предшественник диагностировал злокачественное воспаление щитовидной железы на достаточно поздней стадии... Вот ее история... Тогда ни мы, ни наши столичные коллеги на оперативное вмешательство не решились – велики были опасения, и предпочли ограничиться общей терапией. И вот уже как полгода Настенька у нас не обследовалась. Надо бы провести ей общую диагностику и отследить течение болезни в настоящее время, чтобы мы могли немного подкорректировать курс лечения – в зависимости от необходимости... Понимаете?

Максим бегло просмотрел историю болезни, не найдя в ней ничего необычного за тем небольшим исключением, что большинство записей в ней было сделано на латыни – незыблемое правило для раковых больных. Однако недавнее окончание вуза не позволило ему забыть основы этого прекрасного языка, а потому он без труда распознал анамнез больной и с сожалением скривил лицо – вряд ли его нынешняя диагностика сильно ей поможет. На минуту он даже поймал себя на мысли о том, что ему близко ее состояние – он понимает, отчего эта отрешенность и отсутствие каких бы то ни было признаков того, что называется «жизнь бьет ключом». «Бедная девочка», – подумал он и ответил на вопрос заведующего:

– Разумеется, Олег Алексеевич. Пойдемте за мной.

Мэр бережно взял дочь под руку и направился за бодро шагающим доктором в сторону лаборатории.

Пока лаборантки осуществляли забор крови из пальца и из вены, Максим приготовил кабинет компьютерной томографии. Хотя течение болезни он мог проследить и по общим анализам, сделать томографию для дополнительной проверки все же посчитал своим долгом.

Несколько минут спустя девочка появилась на пороге кабинета. Максим сидел за компьютером и максимально добрым голосом, проявляя всяческое участие и сочувствие к юной пациентке, попросил ее раздеться и пройти к прибору. Ничего ему не отвечая, она молча выполнила все указания.

– Сами какую-нибудь динамику чувствуете?

Она молчала. Он подумал, что она не расслышала или не поняла вопроса, и задал его повторно:

– Может, улучшения какие-нибудь в связи с приемом лекарств за последнее время были?

Оторвавшись от монитора, Максим увидел, что девушка даже не смотрит на него. «Должно быть, ей неприятно отвечать на подобные вопросы... Ладно, быстрее закончу, быстрее пойду домой»...

– Ложитесь на кушетку...

Почти минуту, что девушка пробыла внутри томографа, Максим внимательно разглядывал лежавшую как на ладони щитовидную железу, разворачивая ее в разных проекциях – и в упор не мог найти ничего хотя бы отдаленно напоминающего опухоль.

– Быть не может... Куда же она делась...

Потом в итоге списав свою невнимательность на усталость и последствия тяжелого дежурства, исследование закончил и велел пациентке одеваться. В конец концов, подумал он,

сейчас распечатаю протокол и оттуда все будет видно – компьютер ночью не дежурил, и его не проведешь.

Когда протокол появился на свет Божий, в кабинет вошел старший ординатор.

– Ты чего здесь делаешь? Ты же с дежурства, тебе домой давно пора...

– Серьезно? А я не знал, решил на вторые сутки, на рекорд пойти.

– Умничаешь?

– Да какое там...

– А что Игнашины здесь делают?

– Вот и у меня тот же вопрос, – Максим пялился в протокол как баран в новые ворота и ничего не мог понять: из него следовало отсутствие каких-либо новообразований в организме вообще и на щитовидной железе в частности. Выходит, уставшие глаза его не обманули.

– Что имеешь в виду?

– Иди-ка сюда. Смотри.

– Так, смотрю, – ординатор вертел в руках протокол, также не видя в нем ничего необычного.

– Нижнюю строчку. Формулы смотри.

– Смотрю. Нормальные формулы для здорового человека.

– В том-то и дело, что для здорового! У нее же рак был диагностирован.

– Ты серьезно?

– А ты не знал? Десять лет тут работаешь и ничего не знаешь о диагнозе дочери мэра Вашего Мухосранска?!

– Знал конечно, но...

– Но что? Как это понять? У нее терапия копеечная была, ее чуть ли не аспирином лечили, даже от операции отказались...

– Ничего не понимаю. Может, прибор неисправен?

– Проверим, – Максим поднял трубку телефона и связался с лабораторией. – Анализы Игнашиной готовы? Занесите их мне, в кабинет КТ.

Те же и анализы. Появление последних не привнесло ясности в рассуждения коллег по медицинской науке – судя по ним, пациентка была здорова как лошадь.

– Ничего не пойму... РОЭ в норме, гемоглобин на уровне... Черт знает что...

Ординатор был человеком более опытным в этих вопросах и потому решительно дал юному коллеге безошибочный совет:

– А тебе не все равно? Тебе Бородько поручил диагностику? Ты ее провел? Иди доложи о результатах и дуй домой. Спиши на чудо, такое тоже бывает. И пусть через неделю придет на повторное обследование – мы ей ФГДС проведем, может рак куда ниже спустился...

Через минуту в кабинете заведующего отделением Максим, едва веря себе, озвучивал результаты диагностики:

– Видите ли, Олег Алексеич... Тут такое дело... Больная совершенно здорова...

Заведующий оторвался от бумаг и вскинул на подчиненного недоумевающий взгляд:

– Это как?

– А вот так. И протокол томографии, и все остальные анализы говорят о полном отсутствии в организме каких-либо новообразований.

– Дай-ка сюда... Хм, любопытно... И правда. Николай Иваныч, читать будете?

На лице отца пациентки читалось плохо скрываемое удовлетворение, но без особенной эйфории – другой бы на его месте в ладоши хлопал от счастья, а этот сидел будто бы с чувством выполненного долга.

– Да что там читать? Я вам верю. Все равно на Вашей китайской грамоте ничего не понимаю. Значит, я так понимаю, мы можем идти?

– Можете, но... Я рекомендовал бы вам через недельку показаться на повторное освидетельствование – мало ли, вдруг ошибка...

– Полагаю, в этом нет необходимости, – набрасывая тоненький плащ на худенькие плечики дочери, отрезал мэр. – Благодарю, товарищи врачи, за оказанный прием. Честь имею.

Когда они ушли, Бородько и Заморин переглянулись.

– И что ты так смотришь?

– Олег Алексеич, случай беспрецедентный...

– Не вижу ничего беспрецедентного.

– Почему же?

– А потому что медицинскую литературу надо внимательней изучать, доктор. Такие случаи описывались и не раз.

– Да, но не в нашей же поликлинике...

– А чем она Вам не потрафила, собственно говоря? Чем она хуже Кенсингтонского университета? У них там, думаешь, возможно, а у нас кишка тонка... Да у нас если хочешь знать...

В ординаторской Заморин вновь столкнулся с Савченко – на этот раз неудовлетворенный половой и профессиональной жизнью психиатр расхаживал по комнате взад-вперед, поедая яблоко.

– Ну как? Улучшения в графике дежурств не замечено?

– Два раза. Какой дурак теперь за меня мои дежурства возьмет? Хотя все в мире относительно. Зато Калитина отстанет со своим дурацким кино.

– А ты еще моему оптимизму завидуешь – у самого хоть отбавляй.

– А вот ты как будто погрустнел. Есть повод?

– Да видишь ли больную обследовал, у которой уже несколько лет рак щитовидки. Стал обследовать – а рака-то и нет.

– И потому ты смурной? Дурак, радоваться надо.

– Да я радуюсь, только...

– Только что?

– Странно все это как-то. Ее и не лечили толком.

– Ты в чудеса веришь, Заморин?

– Ну так. Более или менее.

– Более или менее чего?

– Ну, когда они у Льюиса Кэролла, верю – у такого наркомана еще и не то возможно. А когда в загорской городской больнице – попахивает моим переутомлением.

– Ну вот и прекрасно, – Савченко хлопнул юного коллегу по плечу. – Вот и давай сегодня же вечером поборемся с твоим переутомлением. Мой график еще в силу не вступил, а потому вечером я абсолютно свободен и могу пропустить с тобой пару стаканчиков чего-нибудь из того, что горит...

– Заметано. В «Мастере и Маргарите» в 9?

– ОК. Заодно и о чудесах медицины поговорим. И о витиеватых выражах научной мысли.

Всю дорогу до дома Максиму не давала покоя мысль о том, что сегодня в медицинском учреждении из уст врачей слишком часто звучало слово «чудо».

... -Во всей Руси, во все века, четвертый тост за мужика! – Денис торжественно поднял бокал с виски и опрокинул его почти до дна.

– Все еще четвертый? – поморщившись от терпкого привкуса американской полынной водки, уточнил Максим.

– Какая разница какой он по счету? Главное, что за мужика!

– Тоже верно.

– Так что там, говоришь, насчет чудес?

- Я на этот счет ничего не говорил. Про чудеса это вы вспомнили.
- Кто это вы?
- И ты, и Бородько, и ординатор.
- А, ну да. Ну хочешь верь – хочешь не верь, а медицинский факт. Наука еще и не такое видала.
- Наука может и видала, а вот я впервые наблюдаю.
- И что вызывает у тебя сомнение?
- Эффективность терапии!
- Они тебе видимо не все рассказали... – Денис многозначительно уперся взглядом в пустой стакан. – Ты пока налей, а я дам тебе некоторые пояснения.
- Максим поспешил выполнить просьбу друга, внимая каждому его слову.
- Понимаешь, ее у нас действительно долго лечили. По врачам там разным таскали, по бабкам – все без толку. Загигалась девчурка. Красавица, умница, на одни пятерки в школе училась, и тут такое... У родителей, сам понимаешь, сразу свет в окошке погас... Ну и тут вдруг подворачивается им какая-то семья гомеопатов. Условие – стационар.
- Врачи что ли?
- Не совсем врачи. Говорю же – гомеопаты...
- Значит, шарлатаны обыкновенные...
- Ну, у тебя все шарлатаны. И прошла же курс. И помогло же, как видишь!
- То-то я гляжу, все так спокойно эту новость восприняли. И Алексеич, и отец девочки, и сама... – Максим встревоженно замолчал, уставившись на друга.
- Ты чего?
- А вот сама девочка...
- А с ней что не так?
- Понимаешь, ее реакция. Вообще на все происходящее. Странная какая-то... Она молчит все время и в одну точку смотрит... Она в универ-то ходит?
- Вроде экстернат или домашнее обучение. Короче, что-то такое...
- Понятно... Человек с такими деменциями явно не может посещать учебное заведение...
- О чем это ты?
- Слушай, ты же психиатр...
- Ну допустим. И что?
- А то, что нельзя назвать нормальным поведение человека, постоянно молчащего и смотрящего в одну точку. Согласен?
- Само собой. А ты заметил это у нее?
- В том-то и дело, что заметил! Она словно не слышит, когда с ней разговаривают.
- А двигается сама? Раздевалась по твоей команде без посторонней помощи?
- Вроде бы сама,.. – задумался Максим.
- Значит, поводов для беспокойства нет, – отмахнулся Савченко.
- Почему?
- Ну во-первых, потому что если человек самостоятельно выполняет требуемые от него механические действия и движения, значит о значительных деменциях говорить рано. Во-вторых, потому что те гомеопаты, что ее лечили, насколько я слышал, применяли в ее отношении какие-то полупсихотропные препараты...
- И ты по-прежнему называешь их гомеопатами? У них случайно не Менгеле фамилия?
- Ну может и не препараты в медицинском смысле, не цепляйся к словам. Но какое-то воздействие на психику было оказано!
- И ты об этом так спокойно говоришь!

– Но ведь эффект-то достигнут. Ребенок жив и, что самое парадоксальное, здоров! И кроме того, не забывай, что у нее есть родители – они были обо всем предупреждены перед началом лечения, и дали свое согласие.

– А она?

– Что она?

– Она дала какое-нибудь согласие?

– Она на тот момент была в таком состоянии, что не могла дать согласие даже на посещение нужника. Так что извини!

– А почему ты первый мне об этом говоришь?

– Потому что мы друзья и скрывать мне от тебя нечего. А остальные... Сам понимаешь, хотя и многие знают, не многие рискуют об этом рассказать, поскольку методы лечения – сомнительные. Ты здесь человек новый, сболтнешь еще кому ни попадя...

– А ты не боишься?

– Чего? – Савченко едва не подавился «Чивасом».

– Что я сболтну?

– А мне не страшно. Я алкоголик, да и у начальства на скверном счету, так что мне верить нельзя. Сам сболтнешь – сам же в дураках окажешься...

На секунду воцарилось молчанье.

– Ладно, брось, – Савченко задорно рассмеялся и ударил товарища по плечу. – Все же хорошо, чего париться-то?! Давай... Во всей Руси, во все века...

– Опять четвертый? – с нескрываемой иронией уточнил Максим.

– А то!

– Ну за нас!

– Вот это верно!

...Они расстались у входа в бар на уровне полуночи. Рассказанное произвело на Максима некоторое впечатление главным образом по причине какой-то несоразмерности увиденного и услышанного: перед ним сидел совершенно здоровый с физической точки зрения ребенок, которого ни на минуту нельзя было назвать здоровым психически...

По дороге домой он усиленно копался в памяти, стараясь восстановить цифры на обложке истории болезни – там значился номер телефона отца Насти, с которым Максим сегодня познакомился. Недавнее окончание вуза сделало свое дело – и вскоре ему удалось восстановить десятизначную цифровую комбинацию. Мысленно пожурив себя за поздний звонок, он все же решился и набрал абонентский номер.

– Да, – на удивление бодрым голосом ответил мужчина на том конце провода.

– Николай Иваныч?

– Он самый.

– Это Максим Заморин, эндокринолог. Я сегодня Вашу дочь обследовал.

– Чем обязан? – «Да уж, вежливости этому мужлану следовало бы поучиться».

– Простите за поздний звонок...

– Ближе к делу.

– Понимаете, мне показалось странным истораживающим психическое состояние Вашей дочери.

– А физическое?

– Физическое отличное.

– Так. Вы же вроде эндокринолог?

– Да.

– Не психиатр?

– Нет.

– Тогда почему это Вас заботит?

– Просто мне кажется, что это должно заботить каждого нормального человека, и Вас в первую очередь.

– В таком случае считайте меня ненормальным. Физическое состояние моего ребенка мне значительно важнее временных подростковых отклонений, случающихся едва ли не у каждого...

– Подростковых? Но ей 20 лет!

– И что?

Несколько секунд Максим не мог найти слов, чтобы парировать тот очевидный бред, что сейчас нес его собеседник.

– Мне кажется, я Вас не понимаю... И Ваш тон, и то что Вы говорите...

– Простите. Я сегодня очень устал. Я хотел сказать, что мы показывали Анастасию психиатрам, и те не обнаружили в ее состоянии ничего противоестественного... Благодарю Вас за заботу. Позвольте откланяться.

– Да, непременно, – пробормотал Максим. – Доброй ночи.

Положив трубку, Николай Иванович Игнашин долго рассматривал телефон и крутил его в руках, пока на пороге комнаты не услышал звук шагов бодрствующей жены.

– Ее нет? – с плохо скрываемым волнением спросила она.

– Нет, как видишь.

– Спать идешь?

– Если ты можешь спать в такое время, то спи. А я... подожду еще...

– Хорошо. Ложись.

Проводив жену взглядом, Николай Иванович еще долго сидел в одной позе – в темной комнате, на неудобном плетеном стуле, обхватив подлокотник рукой и напряженно вглядываясь в темную пустоту за окном.

В ту ночь Максим Заморин спал плохо, очень плохо. Ему снились кошмары. Он не находил себе места и проснулся раньше обычного – в половине шестого утра – в холодном поту. После увиденного ложиться вновь уже не хотелось, и остаток темного времени суток он провел, блуждая в дебрях Интернета. Кошмары списал на алкоголь, а странное поведение горожан в отношении Насти Игнашиной – на специфику местного недоразвития. Спрятал голову в песок. Так легче.

...Летучая мышь завязла в густой топкой луже на полу подвала. Одно ее крыло и лапка попали в какую-то муть и не могли освободиться, сколько бы она ни била вторым своим свободным крылом в воздухе, стараясь спастись. Я наклонилась над ней и поначалу просто долго и внимательно вглядывалась. Ее конвульсии были так отчаянны, она так хотела свободы. На минуту мне даже показалось, что в этой крошечной тьме я вдруг увидела и разглядела ее глаза. В них было столько боли и мольбы о помощи, что я не удержалась.

В этот миг позади себя я услышала отчетливый голос: «Не надо. Это опасно».

«Что опасно?», переспросила я.

«Она укусит тебя», ответил голос

Я не поверила ему. В этих глазах я видела что-то, что с очевидностью для меня не могло причинить мне боль. Я знала, она на это не способна. Она не укусит, не нанесет мне увечий. Ведь никто из животных никогда не ранит и не убивает тех, кто несет им добро. Свободу. Счастье. Обратное, к сожалению, свойственно только людям.

Не опасаясь укуса, я протянула к ней руки. Взяла ее за тельце и потянула не себя. Она запищала – освобождение сопровождалось болью, так тоже часто бывает. Но уже секунду спустя она была свободна... Она не укусила меня. Только пискнула и улетела в темную пустоту. И мне подумалось, будто этим странным ночным звуком она поблагодарила меня, свою спасительницу. Ведь к утру ее бы уже не было в живых.

И от этого звука я почувствовала радость – впервые за все прошедшее время. Ни одно событие мне не доставляло радости столько, сколько этот странный ночной звук. Я испытала встречную, ответную любовь к этому странному и может быть бездушному существу. Любовь, граничащую с материнской. Благоговение. Трепет творца, создателя жизни, спасителя. Мне стало легко и свободно. Поразительно, но именно в кромешной тьме, в грязи, вони и сырости этого полузаброшенного и мрачного подвала, куда в добрую пору не заглянет ни один человек, я почувствовала себя наивысшим и счастливейшим из одухотворенных существ.

Тьма позволила мне ощутить это чувство. Я оглядела себя с головы до ног. Черная, в черных одеждах, в грязи и крови, пробиралась я сквозь эту темноту. А на лице у меня, вопреки законам жанра, была улыбка. Счастливая и прозрачная. Почти детская.

Скаредников вышел из магазина около часа ночи – когда Максим Заморин на другом конце города уже спал без задних ног, а отец Насти, напротив, не мог сомкнуть глаз в пустом и бездонном ожидании. Вышел и первым делом открыл только что купленную бутылку «Балтики». Отхлебнув немного, он поплелся во двор – начавшийся вчера день десантника не планировал заканчиваться. Тем более, что продолжения банкета требовали приятели Петра Ильича – внезапно вспомнившие о своем десантном прошлом забулдыги наподобие него, которые, впрочем, хвастали славной биографией в канун едва ли не каждого праздника, отмечаемого в стране.

Дорога предстояла через длинную арку, соединявшую углубления двух дворов. Именно ее длина позволяла использовать ее не только по прямому назначению – в теплые летние ночи тут кипела жизнь: здесь занимались любовью, пили, спали, так что поводов для беспокойства появившаяся на другом конце арки фигура у Скаредникова не вызывала, пока он не поравнялся с ней. Здесь снова былолюдно – и хоть рассмотреть кого бы то ни было в деталях ночь не давала возможности, голоса были слышны отчетливо.

Поравнявшись с фигурой, Скаредников случайно задел ее плечом – и развернулся, желая уже было вступить в диалог, как вдруг почувствовал в плече нестерпимую боль. Это не он задел фигуру, это она задела его. Такая мысль внезапно осветила не просыхавшую от алкоголя уже много дней голову Петра Ильича.

– Ты ох..., – договорить он не смог. Пакет с бутылками выпал из его рук и с грохотом рассыпался по асфальтовому покрытию. Вслед за пакетом на землю упало еще что-то, и Скаредников почувствовал себя абсолютно обессиленным. Он упал на колени и только тут сумел разглядеть, что на пакете лежала его конечность – то, что еще несколько минут назад было его рукой и сжимало бутылку пива.

От ужаса он заорал. Завопил, что было силы. Не в надежде воззвать на помощь – никто из прописавшихся в арке в эту ночь и значения бы не придавал такому кличу. От отчаяния. Вторая светлая мысль – жизнь кончена – пронеслась в его голове, прежде, чем то же самое мачете, что минуту назад отсекло ему руку, со всего размаха нанесло удар по шее. Артериальная кровь фонтаном брызнула в разные стороны, заставив Петра Ильича захлебнуться, а его голову повиснуть на одной кости.

Да, он умер, подавившись своей же кровью. Но с философским выражением на лице. Ведь столько разумных мыслей за столь короткий промежуток времени не посещало его голову уже много лет. Жаль, что реализоваться как последователь Ницше Петр Ильич не успел...

Мягкая белая рука провела по плащу. Он был в крови. Но ночью все кошки серы – и разглядеть цвет окрасившей его массы вряд ли было возможно. Да и кому надо ночью разглядывать прохожих. Да еще и пьяных. От них ведь всего можно ожидать – даже убийства.

След крови остался на руке. И всю оставшуюся дорогу убийца с любопытством разглядывал свою ладонь. Разглядывал, как красная жидкость проникает в капиллярные узоры,

заполняя пространство между едва различимыми на первый взгляд витиеватыми загогулинами и кривыми. Смотрел – и ни о чем не думал. Просто наслаждался зрелищем...

Утром следующего дня главный врач городской больницы Петр Петрович Давиденко собрал заведующих отделениями на долгую планерку, с которой вышли руководители подразделений в весьма удрученном состоянии. Максиму по роду работы необходимо было увидеться со своим непосредственным руководителем, и на уровне десяти часов он стоял возле приемной кабинета Олега Алексеевича Бородько. Ждать пришлось по здешним меркам долго – около получаса, по истечении которых Олег Алексеевич появился на пороге приемной.

- Тебе чего, Заморин?
- Олег Алексеич, у меня по графику дежурств вопросы...
- А, своевременно...
- Что имеете в виду?
- Заходи, узнаешь. Да, кстати, позови кто там в ординаторской есть...
- Всех?
- Давай всех...

Спустя несколько минут добрая половина отделения набилась в кабинете Бородько, начисто лишив его самого личного пространства. И без того утомленный, заведующий с прискорбием начал освещать перед присутствующими итоги планерки у главного врача:

– Значит, так, уважаемые коллеги. Довожу до Вашего сведения, кто не знает, что за ночь по нашему городку прокатилась волна убийств... Вероятнее всего, на хулиганской почве...

Присутствующие женщины вздрогнули:

- Убийств? О Господи! И кого же убили?!
- Да каких-то троих полубомжей, полупьяниц, в общем черт их там разберет...
- Но Вы же сказали волна!
- Калитина! В нашем городе жителей шестьдесят тысяч. И потому три убийства за ночь – это, к сожалению, волна.

– Мне кажется, Олег Алексеич, Вы преувеличиваете...

– А у меня иное мнение. И у Петра Петровича тоже. И основано оно на том, что в городе всего одна центральная станция «скорой помощи». Которая, как вы все здесь присутствующие понимаете, с ее катастрофической нехваткой личного состава с этой волной не справилась. Пришлось привлекать дежурных специалистов из городской больницы, которым по закону в связи с выходом в «скорую» теперь пришлось снять плановые дежурства из графика, а потому весь график теперь меняется. И дабы не понуждать Вас суровыми драконовскими мерами к принятию этих почетных обязанностей на себя, я обращаюсь ко всем... В первую очередь, касается несемейных. Кто желает добровольно подежурить вне графика в ночь?

Несколько секунд висела тишина, пока наконец голос Максима – юного и беззаботного вчерашнего интерна – не озарил своим спасительным звучанием стены кабинета:

– Я могу.

Со всех сторон посыпались к нему предложения и благодарности от женщин... и покручивание пальцем у виска от мужчин. Однако, принесенной жертвы огню Олега Алексеича, очевидно, было мало и он продолжил:

– Заморин проявил прекрасную инициативу. Но его одного мало. Давайте еще хотя бы человек двух-трех... Калитина?

– Олег Алексеич, я никак не могу... У меня мама из деревни приезжает...

– Хорошо. Акулин?

– А у меня отпуск в этом месяце. Я и так второй год сижу...

Так или иначе, препирательства эти могли продолжаться сколь угодно долго – в итоге, дабы их прекратить, порешили оставить решение вопроса на вечер. До вечера все подумают

и добровольно (вот умора!) решат, кому на себе предстоит нести этот тяжелый крест в течение всего следующего месяца...

... -Так и сказали, до вечера коллективное обсуждение? – на лице Дениса Савченко читалась плохо скрываемая усмешка.

– Ну да. А что в это необычного?

– Да нет, просто...

– Просто у людей всякие обстоятельства, сам же понимаешь. У всех дом, семья, дети там маленькие...

– Заморин, ты серьезно?

– А почему нет?

– А потому что практика жизни показывает, что, когда люди говорят «да, но позже», это означает «нет».

– Ты что же хочешь сказать, что указание главного всем по боку, что ли?

– Я хочу лишь сказать, что париться с этими дежурствами ты один будешь весь оставшийся месяц. Назвался груздем – полезай в кузов.

– Да я как бы сознательно это сделал, и о принятом решении не жалею.

– Мда... Долго еще тебя перевоспитывать будет эта грешная жизнь. Но в один прекрасный день ты все-таки поймешь, что молодость потратил впустую... Правда, надеюсь, что я этого уже не увижу...

Максим пожал плечами и с недоумением посмотрел вслед удаляющемуся приятелю.

И быть может обеденному предсказанию Савченко и суждено было бы сбыться, если бы сегодня же ночью загорский Джек-Потрошитель в очередной раз не внес коррективы в графики дежурств местной поликлиники...

Главный инженер хлебокомбината Игорь Владиславович Сергеев сидел в совершенно пустом вагоне электрички и пялился в окно. Пробегающие мимо пейзажи ни о чем ему не говорили, не вызвали никаких ассоциаций и воспоминаний – как ввиду врожденной черствости этого человека, так и ввиду обогревающего его душу с раннего утра алкоголя. Выезды на дачу всегда сопровождалась для него возлиянием. Хотя списывать его пьянство только на садовые работы было бы оскорбительно по отношению к нему – Игорь Владиславович не гнушался распитием ни на работе, ни во время отдыха, ни утром, ни вечером. И если на определенном этапе его жизни возлияния эти практически заменили определенную интеллектуальную сторону его существования, и его знакомые даже стали про него говорить что-то вроде «спивается», то с назначением на почетную должность главного инженера его пьянство приобрело поистине руководящий размах. Теперь он был не только индугирован от чих-либо замечаний на тему его морального облика, но даже напротив – его трезвость (а вернее ее отсутствие) стала индикатором настроения начальства и превратилась в характерную черту, вызывающую среди челяди раболепное почитание. Как, например, у Брежнева или Ельцина. Игорь Владиславович вконец возгордился и стал позволять себе высказывания и жесты, о которых в былые времена и помыслить не мог. При этом, списывая все на алкоголь, он поражался всепрощению, которое к нему применяли его подчиненные – не в силу уважения, но в силу страха.

И потому с недавних пор он вовсе перестал утруждать себя мыслями (а, тем более, светлыми) и ассоциациями. Взирая на окружающий мир, он делал это с чувством непогрешимости и непоколебимости. Ничто не предвещало изменения сложившегося алкогольного беспорядка его жизни. И этот вечер тоже вроде бы не нес в себе ничего особенного...

Двери электрички открылись на конечной станции – это был Загорск. Правда, не главный вокзал, а Восточный парк – маленькая станция на окраине, откуда до дома Игоря Владиславовича было километра три. Можно было добраться пораньше, сев на последний автобус,

но Игорь Владиславович решил не спешить и по дороге еще хлебнуть заранее припасенного пивка.

И так, с открытой бутылкой в руке пошел он через темную аллею, тускло освещаемую то тут, то там попеременно горящими фонарями. Озираясь время от времени на лавочки – дряхлые, раздолбанные невменяемыми подростками – он исследовал окружающую обстановку на предмет открытия чего-нибудь нового или интересного, поскольку обычная его жизнь давным-давно перестала вызывать в нем это чувство.

Внезапно у подножия одной из лавочек он увидел закрытую бутылку водки. Поначалу пройдя мимо, метров через двадцать Игорь Владиславович поймал себя на недопустимости такого халатного поведения и решил вернуться. Наклонившись над бутылкой, он попервах долго исследовал ее на предмет срыва акцизной марки либо наличия какого-нибудь другого подвоха. Не обнаружив последнего, он протянул руку, чтобы прибрать находку себе, как вдруг неведомая сила – то была протянувшаяся из-под лавочки рука – ухватила его за запястье и больно опрокинула лицом оземь.

Он и сообразить ничего не успел, когда некто в длинном плаще выпрямился над ним во весь рост и железной хваткой развернул его к себе вполборота. От постоянного пьянства реакции Игоря Владиславовича притупились, и он, забыв, что в таких ситуациях обычно кричат и зовут на помощь, лежал как полумертвый тук, пока незнакомец, черт которого Сергеев не разглядел (да и не торопился разглядывать) производил с ним какие-то хитрые манипуляции. А может просто времени на это не хватило – уж больно шустро реализовывал задуманное нападавший.

Стянув руки Сергеева за спиной, он вставил ему в рот железную распорку – такими пользуются стоматологи иногда, – и с силой потянул за нее. Тут только главный инженер понял, что то, что с ним происходит, отклоняется от общепринятых представлений о поведении в обществе даже в условиях ночного времени суток. Он засучил ножками, но было уже поздно – нападавший ударил концом железной распорки об угол лавочки с такой силой, что сознание покинуло нашего героя. А в следующую секунду раздался еще один удар, после которого за сознанием последовала нижняя челюсть Игоря Владиславовича.

Память и возможности анализаторов так и не вернулись к нему до самого утра – когда на рассвете он умер от потери крови. А фигура в длинном плаще еще долго игралась с вырванной челюстью – такой игрушки у нее даже в детстве не было. И впрямь занятная вещица...

Совещание у мэра было созвано экстренно и носило закрытый характер. Здесь присутствовали прокурор города, главный врач городской больницы Давиденко, начальник полиции Никитин и еще пара каких-то людей. Николай Иванович пребывал в подавленном состоянии духа и вещал быстро и малоразборчиво:

– Товарищи, у нас ЧП. Город захлестнула волна каких-то... чудовищных убийств... Чудовищных как с точки зрения исполнения, так и с точки зрения выбора жертв – все отборные пьяницы...

– Естественный отбор, – пробормотал Давиденко.

– И что предлагаете? Плюнуть на них?

– Плюнуть нельзя. У меня с этими убийствами персонала ни на «скорой помощи», ни на местах не хватает... Все-таки в масштабах нашего, простите, Мухосранска это действительно ЧП.

– Вот и я о том. Не так, может быть, страшен сам исполнитель, как страшны те негативные социальные последствия, которые эти убийства несут – у Вас не хватает персонала, у начальника полиции – снижена раскрываемость, показатели вниз летят, у прокурора – и того хуже. А в целом представление о нас с вами, товарищи, обо всех складывается весьма удручающее. А последнее убийство... Это ж из ряда вон!

– А почему собственно? – подал голос прокурор. – Такой же пьяница, как и предыдущие, просто при должности. Что еще хуже, на мой взгляд.

– Но это говорит о том, что ареал потенциальных жертв расширился. И что-то мне подсказывает, что скоро убийца перейдет и на несовершеннолетних жителей города...

– Почему Вы так думаете?

– Я же не первый год здесь сижу. И во избежание этого мы должны... объявить в городе комендантский час на ночное время суток для лиц, не достигших совершеннолетия...

В кабинете повисла тишина. Но не та, которая обычно случается на рабочих совещаниях – когда все обдумывают сказанное оратором. А какая-то тупая, безмозглая, словно молчание коров перед забоем.

– Этим мы уьем и еще одного зайца.

– Какого именно? – с напускной серьезностью на лице будто бы проснулся начальник полиции.

– Мы все сможем оправдаться в глазах нашего с Вами начальства. А вернее предупредить возможные выпады в нашем отношении с их стороны.

– Откуда такие выводы?

«Ну и идиот», – подумал Игнашин и добавил в тон раздражительности.

– А оттуда, что скрывать дальше нет никакой возможности. С бомжами еще куда ни шло. Но вот убийство главного инженера градообразующего предприятия соломой не закидаешь. И скоро в Москве все станет известно. Те сразу, естественно, в губернию. А те уж, в свою очередь, к нам. Почему, мол, мер не принимаете? А мы – как так? Принимаем. Вот и комендантский час объявили. И сыскари местные с ног сбиваются ищут супостата... А там...

– Да кстати. Хорошее начало...

– ???

– А что «там»? Глобально-то как решать ситуацию? Делать-то что прикажете?

– А там... или ишак помрет, или падишах сдохнет...

Теперь становится понятно, почему присутствующими владела эдакая мертвенная тишина. Ведь в любом нормальном обществе подобное высказывание градоначальника было бы воспринято как минимум с недоумением. А здесь все с ним безмолвно согласилось. Ведь каждому надо было делать свои дела, а эти убийства да внеплановые совещания, ими вызванные, в график свободного времени не добавляли. И потому для участников круглого стола, казалось, годилось даже самое абсурдное предложение – все равно никто из них не хотел (да и не мог) предложить ничего более вразумительного.

Не был исключением и Петр Петрович Давиденко – выходец из комсомольской партийной школы, в лучших традициях которой было «спускать» директивы начальства на подчиненных, дабы долго не нести на своих плечах ответственности за их исполнение (которое чаще всего превращалось в неисполнение). Следуя им, по возвращении от мэра, лекарь собрал заведующих отделениями на аналогичную закрытую планерку, по итогам которой все ее участники вернулись на рабочие места с еще менее живыми лицами, чем вчера.

– Значит, так, уважаемые коллеги, – начал Бородько, войдя в ординаторскую и застав многих своих сотрудников на местах. – Вчерашняя инициатива Заморина так оставаться не может.

– Выгоним его, Олег Алексеич? Правильно, давно пора за такое наказывать, – с вечной улыбкой на лице продекламировал Савченко.

– Не смешно, Денис. Я не о том.

– А о чем? – подала голос Калитина. Сегодня она говорила тише обычного – чутье ей подсказывало, что после беседы с главным добрых вестей от непосредственного начальства ждать не приходится.

– А о том, что вчера вечером произошло еще одно убийство, которое обнаружили только утром. Это, как вы понимаете, также потребовало привлечения дополнительных ресурсов из дежурного медперсонала. Что вносит дополнительные коррективы в график. Теперь дежурить сверх нормы будет каждый из вас. Единственное, чем я могу вам помочь – так это тем, что предоставлю возможность полюбовно определить даты внеурочных выходов. Справитесь?

– К вечеру, Олег Алексеич, – начал было Савченко.

– Нет, – отрезал Бородько. – Сейчас.

Тон заведующего подсказывал присутствующим, что в этот раз он настроен серьезнее обычного.

И это позволило товарищам по несчастью полюбовно разобраться в том, кому и сколько этого несчастья приходится по душе. По общему согласию и собственному героизму львиную долю мужественно принял на себя Максим Заморин. И пить из этой чаши он начал сегодня же ночью.

В ординаторской они сидели вдвоем с Калитиной. Она вечно что-то писала, а Максим играл за компьютером в шахматы, когда на часах пробило десять.

– О, – хлопнул себя по лбу Заморин. – Наташ, время-то десять.

– И что? – та даже головы не подняла. В общем, этого не случилось бы, даже услышь она о начале ядерной войны.

– Через десять минут пивная закрывается.

– Ты чего, Заморин? Что отметить решил? Что весь медперсонал в анусе?

– Нет, просто сидеть-то всю ночь. Вот и думаю скрасить наш совместный досуг.

– Это как?

– Пивом, мать твою!

– Аааа...

– Наташ, будь другом, посиди минут десять, я пулей туда-обратно. А придет кто-нибудь скажи я на обход в отделение пошел.

– После отбоя-то?

– Ну придумай что-нибудь. Ты же умница у нас, а?

– Ну ладно. Только по-шустру давай.

– Я мигом.

Максим не обманул – дорогу до пивной он преодолел галопом. А вот на обратном пути следовать с той же скоростью помешал груз – десять бутылок эля, несомые им в черном маскировочном пакете. (Хотя, принимая во внимание, что с такой маскировкой расхаживали по городу все алкоголики, своего истинного предназначения она, видимо, не оправдывала.)

Город был полупустой – объявленный мэром комендантский час удалил с его улиц еженощных обитателей, пребывающих в нежном возрасте. И потому особенно странными показались Максиму шаги за спиной. Кто это может быть?

Никто из медработников, да и просто из горожан не принимал на свой счет известий о маньяке. Никто не зачислял себя в стройные ряды его жертв. Так всегда бывает – авось, пронесет. А вдруг нет?

Максим поймал себя на этой мысли и почему-то стал как вкопанный. Он попытался закурить, но сигарета предательски потухла прямо у него в зубах. От ужаса закрыл глаза.

Казалось вечность прошла до того момента, пока чья-то мягкая рука не коснулась его локтя.

– Максим Сергеевич? – проговорил девичий голосок. Он неспешно обернулся.

– Настя?! – с удивлением спросил Заморин, увидев перед собой дочь градоначальника.

Она не ответила ему. И еще минут пять они стояли здесь, пристально глядя друг другу в глаза.

Максим первым решился прервать молчание.

– Ты... это... пива хочешь?

Девушка улыбнулась и согласно кивнула головой. Он протянул ей открытую бутылку, себе открыл вторую.

– Максим Сергеич... – она вновь назвала его по имени-отчеству. «Какой у нее красивый голос, – мысленно поразился Максим. – Надо же, а я думал, что она и говорить-то не умеет...» – Мне надо с Вами поговорить.

– Со мной? Но о чем?

– Просто Вы здесь новый человек и мне показалось, что Вы... В общем, что Вы как-то по-особенному на меня смотрели...

– Я смотрел на тебя как на пациентку, не более того...

Настя прятала глаза.

– В общем, я знаю, что после нашей встречи Вы звонили отцу и пытались поговорить с ним...

– Было такое.

– Вы ведь уже знаете, что то поведение, с которым вы столкнулись во время моего обследования, явилось следствием, так сказать, лечения...

– Да, мы беседовали об этом с коллегами...

– Но Вам наверняка не известна вся суть этого «удивительного метода».

– Мне даже не вполне понятно, чем именно и в каких условиях тебя лечили...

– И поэтому я считаю, что Вы должны это знать. Многие врачи знают этих моих, с позволения сказать, спасителей, но им все случившееся со мной странным не кажется. Потому-то я и привыкла общаться с ними так, как общалась с Вами... А вернее, никак. Но в Вас в тот день я увидела нечто особенное... А потом, когда узнала о звонке...

– А кстати, как ты о нем узнала?

– Отец с матерью разговаривали и вот... Я случайно услышала...

– Послушай, тебе не кажется, что обочина дороги в разгар комендантского часа – не лучшее место для разговоров?

– Не предлагаете ли Вы мне пройти к Вам на рабочее место? – в голосе Насти слышалась плохо скрываемая ирония. «Однако, девочка далеко не дура... Не зря Денис сказал про нее, что училась на одни пятерки...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.